Проф. 1955

Новые матеріалы для изученія религіозно-нравственныхъ воззрѣній Н. В. Гоголя.

(*Къ 50-лѣтію со дня его смерти*) [1]).

Объ источникахъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній Н. В. Гоголя въ нашей литературѣ до сихъ поръ извѣстно очень немного. Извѣстно только, что религіозно-нравственными вопросами Гоголь сталъ заниматься серьезно только въ послѣднія 9 лѣтъ своей жизни, когда онъ почувствовалъ недостаточность своего прежняго образованія и рѣшился восполнить его религіозно-нравственнымъ самообразованіемъ, чтобы разрѣшить волновавшіе его въ то время вопросы высшаго порядка. „Надобно сказать,—говоритъ онъ въ своей „Авторской исповѣди“,—что я получилъ въ школѣ воспитаніе довольно плохое, а потому и немудрено, что мысль объ ученьи пришла ко мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ всѣ свои занятія. Я наблюдалъ за собой, какъ учитель надъ ученикомъ не въ книжномъ ученіи, но просто въ нравственномъ, глядя на себя самого, какъ на школьника“ [2]).

---

[1]) Читано въ засѣданіи Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской дух. Академіи 19 февраля, 1902 года.

[2]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, изданіе десятое, подъ редакціей Н. Тихонравова и В. Шенрока. Москва, т. IV, 1889 г., стр. 253.

По замѣчанію П. В. Анненкова, поворотъ Гоголя въ сторону религіозно-нравственныхъ интересовъ рѣшительно обнаружился со второй половины 1843 года, когда онъ проживалъ въ Италіи [1]). Съ этого времени Гоголь и начинаетъ хлопотать о полученіи имъ книгъ церковнаго и религіозно-нравственнаго содержанія. Кромѣ евангелія и псалтыри, его интересуютъ творенія Ефрема Сирина, Іоанна Златоустаго, Максима исповѣдника (о любви), Макарія Египетскаго (о молитвѣ), св. Димитрія Ростовскаго, св. Тихона Задонскаго, Добротолюбіе, сочиненія Лазаря Барановича, Стефана Яворскаго, Амвросія (Подобѣдова „Толкованіе на Св. Писаніе"), Иннокентія Херсонскаго (Борисова), „Памятникъ вѣры", духовные академическіе журналы „Христіанское Чтеніе" и „Творенія Святыхъ Отцовъ въ русскомъ переводѣ", съ прибавленіями къ нимъ, и др., а изъ западныхъ богослововъ и духовныхъ писателей—сочиненія Ѳомы Аквината, Ѳомы Кемпійскаго („О подражаніи Христу"), Боссюэта и др. [2]).

Особую группу духовныхъ сочиненій, интересовавшихъ Гоголя, составляютъ сочиненія, служившія ему источниками и пособіями при составленіи его „Размышленій о божественной литургіи". Къ числу такихъ сочиненій относятся: св. Діонисія Ареопагита „О небесной іерархіи" и „О церковномъ чиноначаліи", Симеона Солунскаго, патріарха Германа,

---

[1]) Тамъ же, стр. 465.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 586—588 и 593; сн. „Труды Кіевской дух. Академіи", февраль, 1902 г., стр. 196.—Удалось намъ найти и упоминаемый здѣсь „Памятникъ вѣры". Полное заглавіе его слѣдующее: „Памятникъ вѣры, представляющій благочестивому взору христіанина празднества, православною церковію установленныя св. угодникамъ Божіимъ, съ краткимъ оныхъ жизнеописаніемъ; съ присовокупленіемъ избранныхъ на каждый день текстовъ Св. Писанія, благочестивыхъ размышленій и духовныхъ стихотвореній, руководствующихъ къ непрестанному упражненію въ Богомысліи; съ приложеніемъ къ каждому мѣсяцу гравированныхъ картинъ и листковъ для ежедневнаго записыванія на нихъ своихъ мыслей, чувствованій и поступковъ. Москва. 1825". 8°. Это есть не что иное, какъ церковный календарь, съ различными приложеніями.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
3360
25

Нила Кавасилы, патріарха Іереміи, „Старая“ и „Новая Скрижаль“ (послѣдняя—Веніамина Румовскаго), „Изъясненіе на литургію“ Ив. Дмитревскаго, „Изъясненіе на литургію“ священника Нордова, и др. [1]).

Въ настоящее время мы имѣемъ подъ руками рукописный сборничекъ выписокъ изъ твореній отцовъ и учителей православной церкви, сдѣланный Н. В. Гоголемъ, но не въ подлинникѣ, а въ копіи, писанной сестрою Гоголя Ол. В. Головней. Подлинникъ сборника взятъ былъ покойнымъ П. А. Кулишомъ и, кажется, пропалъ безслѣдно; но Ольга Васильевна Головня, прежде чѣмъ передать сборникъ г. Кулишу, предусмотрительно сняла съ него копію, которую въ прошломъ году и передала Всевол. Андр. Чаговцу. Отъ него мы и получили сборникъ.

Въ сборникѣ этомъ заключается 56 выписокъ изъ разныхъ твореній отцовъ и учителей православной церкви и духовныхъ писателей. Между этими выписками встрѣчаются выписки изъ твореній Тертулліана, Аѳинагора, Григорія чудотворца Неокесарійскаго, Іакова Низибійскаго, Аѳанасія Великаго, Ефрема Сирина, Василія Великаго, Петра Александрійскаго, Григорія Нисскаго, Іоанна Златоустаго, Кирилла Александрійскаго, Прокла Константинопольскаго, Ѳеодота Анкирскаго, Іоанна Постника, Анастасія Антіохійскаго, Іоанна Дамаскина и Іереміи патріарха Константинопольскаго (конца XVI вѣка). Все это—на русскомъ, а не на церковно-славянскомъ языкѣ.

Выписки изъ отцовъ и учителей вселенской церкви перемежаются въ сборникѣ выписками изъ сочиненій отцовъ, учителей и духовныхъ писателей Русской церкви: св. Димитрія Ростовскаго, св. Тихона Задонскаго, преосвященныхъ Михаила Десницкаго, Московскаго митрополита Филарета

---

[1]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, изданіе десятое, т. IV, 1889 г., стр. 411 и 593.

(Дроздова), преосвящ. Рязанскаго Гавріила (Городкова), Костромскаго Владиміра (Алявдина) и Полтавскаго Гедеона (Вишневскаго), Задонскаго затворника Георгія (Машурина) и протоіерея Степ. Карп. Сабинина [1]). Послѣднія шесть лицъ были старшими современниками Гоголя.

Кромѣ того, мы насчитали въ Сборникѣ до 12-ти выписокъ изъ сочиненій неизвѣстныхъ духовныхъ писателей.

Откуда сдѣланы всѣ эти выписки сборника,—этого самъ Гоголь не показываетъ. Онъ не обозначаетъ даже точнаго заглавія того или иного духовнаго сочиненія, изъ котораго извлечена выписка, озаглавливая послѣднюю самъ, по ея спеціальному содержанію и характеру. Но русскій (а не церковно-славянскій) языкъ всего сборника и присутствіе въ немъ выписокъ изъ сочиненій современныхъ Гоголю духовныхъ русскихъ писателей естественно наводятъ на мысль о томъ, что и источниковъ сборника нужно искать въ современной Гоголю русской духовной литературѣ.

Мы уже видѣли, что Гоголь интересовался и современной ему періодической духовной русской литературой и именно академическими духовными журналами „Христіанское Чтеніе“ и „Творенія святыхъ отцевъ въ русскомъ переводѣ“, съ прибавленіями къ нимъ. Обратившись къ этимъ духовнымъ журналамъ, мы нашли, что Гоголь рѣшительно ничего не внесъ въ свой сборникъ изъ журнала „Творенія св. отцевъ въ русскомъ переводѣ“; но за то видимъ, что громадное большинство выписокъ сборника сдѣлано изъ „Христіанскаго Чтенія“ за 1840—1843 годы. Такихъ выписокъ мы насчитали въ сборникѣ 38 [2]). Имѣя въ виду послѣдовательный порядокъ выписокъ изъ этого журнала въ сборникѣ Гоголя, мы полагаемъ, что Гоголь получилъ „Хри-

---

[1]) См. о нихъ въ „Обзорѣ русской дух. литературы“ Филарета Гумилевскаго, подъ указанными именами и фамиліями.

[2]) Описаніе сборника см. въ „Приложеніи“ къ настоящей статьѣ.

стіанское Чтеніе“ сначала за 1842 годъ, а вслѣдъ за тѣмъ и за первое полугодіе 1841 года, такъ какъ прежде и болѣе всего и поперемѣнно дѣлаетъ выписки изъ этого журнала за означенные два года. Начиная съ 82 страницы сборника, Гоголь сдѣлалъ 4 выписки изъ „Христіанскаго Чтенія“ за 1843 годъ, а въ концѣ сборника—одну выписку изъ того же журнала за 1840 годъ; но нѣтъ у него ни одной выписки изъ этого журнала за 1844 годъ. Изъ переписки же Гоголя мы узнаемъ, что письмомъ 8 іюля 1843 г. онъ просилъ Языкова выслать ему „Христіанское Чтеніе“ за 1842 годъ [1]). Эта просьба едвали-ли была исполнена, такъ какъ 5 февраля 1844 г. Гоголь писалъ Языкову, чтобы онъ не заботился о „Христіанскомъ Чтеніи“. Въ началѣ апрѣля 1845 года Гоголь письмомъ изъ Парижа благодарилъ А. О. Смирнову за присылку, между прочимъ, и „Христіанскаго Чтенія“ за 1844 годъ [2]). Въ это время Гоголь проживалъ въ Парижѣ и пользовался книгами изъ библіотеки протоіерея при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ Д. Вершинскаго [3]). Вѣроятно, сборникъ и составленъ въ Парижѣ, въ самомъ началѣ 1845 года, но не позже марта этого года, такъ какъ онъ не заключаетъ уже въ себѣ выписокъ изъ „Христіанскаго Чтенія“ за 1844 годъ, полученнаго Гоголемъ въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля 1845 года.

Кромѣ выписокъ изъ „Христіанскаго Чтенія“, мы находимъ въ сборникѣ выписки и изъ другихъ источниковъ, а именно: изъ „Православнаго исповѣданія вѣры“ Петра Могилы, „Книги правилъ святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ“, изъ твореній св. Димитрія Ростовскаго и св. Тихона Задонскаго, проповѣдей Михаила Десницкаго и Владиміра Алявдина, изъ

---

[1]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, изданіе десятое, т. IV, 1889 г., стр. 586.

[2]) Тамъ же, стр. 586, 587 и 593.

[3]) Тамъ же, стр. 588.

писемъ Задонскаго затворника Георгія Машурина и протоіерея Сабинина и изъ другихъ неизвѣстныхъ пока намъ источниковъ. Часть ихъ Гоголь могъ найти въ Парижѣ у того же протоіерея Вершинскаго, а нѣкоторые изъ нихъ (напр., письмо прот. Сабинина) могли быть получены имъ отъ А. О. Смирновой.

Всѣ эти выписки, характеризуя личный вкусъ Гоголя въ выборѣ сродныхъ ему духовныхъ предметовъ, несомнѣнно имѣли большое вліяніе на окончательное сформированіе его религіозно-нравственныхъ воззрѣній въ послѣдніе годы его жизни. Если бы проштудировать не только выписки Сборника, но и тѣ источники въ цѣльномъ ихъ видѣ, изъ коихъ онѣ извлечены, то, по нашему глубокому убѣжденію, въ значительной мѣрѣ уяснился бы вопросъ о сформированіи и характерѣ религіозно-нравственнаго настроенія Гоголя въ послѣдніе годы его жизни. Мы съ своей стороны не рѣшаемся принять на себя этотъ обширный трудъ и въ настоящій разъ ограничимся только анализомъ нѣсколькихъ выписокъ изъ этого сборника въ связи ихъ съ параллельными мѣстами изъ религіозно-нравственныхъ сочиненій Гоголя.

Сборникъ этотъ имѣетъ значеніе ученической тетради въ религіозно-нравственномъ самообразованіи Гоголя, стремившагося возродиться къ новой, лучшей духовной жизни.

Изъ этой тетради можно видѣть, что перевоспитывавшійся Гоголь интересовался тремя группами религіозныхъ вопросовъ, а именно вопросами догматическими, литургическими и религіозно-нравственными.

Къ догматической области въ разсматриваемомъ сборникѣ относятся выписки: о церковныхъ преданіяхъ, св. Василія Великаго (Сборникъ, стр. 2—7); изложеніе вѣры св. Григорія чудотворца Неокесарійскаго (стр. 1—2); о воскресеніи и о таинствахъ, св. Іоанна Дамаскина (стр. 41—48 и 68—80), о духовности Божества, св. Тихона Задонскаго (стр. 214—218), пророчества о Христѣ (стр. 162—178),

ученіе о Богѣ Словѣ, св. Прокла Константинопольскаго и Аѳинагора (стр. 39 и 86—88); о плоти Христовой и о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ, Тертулліана (стр. 23—26); о рожденіи Спасителя отъ Дѣвы, св. Ѳеодота Анкирскаго (стр. 49—51); о присутствіи Духа Святаго въ Церкви, св. Іоанна Златоустаго (стр. 51—55), о непогрѣшимости Церкви (стр. 91—92); о почитаніи святыхъ, протоіерея Сабинина (стр. 219—222); о почитаніи иконъ, противъ иконоборцевъ (стр. 92—93); о воскресеніи (стр. 199—205) и др. Въ этомъ разрядѣ выписокъ Гоголь имѣлъ въ виду или полноту изложенія символа вѣры, или же наглядное объясненіе тайнъ вѣры подобіями изъ видимой природы. Выписки этого рода, повидимому, имѣли въ виду только личное ученіе Гоголя истинамъ вѣры и нигдѣ, кажется, не отразились на его литературныхъ произведеніяхъ.

Литургическихъ выписокъ въ сборникѣ Гоголя сравнительно немного. Первое мѣсто между ними занимаетъ выписка изъ сочиненій Іереміи, патріарха Константинопольскаго, о литургіи, гдѣ проводится та мысль, что всѣ священнодѣйствія литургіи означаютъ различные акты домостроительства Божія о нашемъ спасеніи и возгрѣваютъ въ насъ вѣру и любовь (стр. 20—22). Выписка изъ твореній св. Аѳанасія Александрійскаго „о молитвѣ святыхъ“ развиваетъ ту мысль, что мы молимся словами готовыхъ молитвъ и пѣснопѣній церковныхъ, прибѣгая, чрезъ это самое, подъ кровъ ихъ молитвъ и глаголавшаго чрезъ нихъ Св. Духа (стр. 86). Статья „о русской церкви“ доказываетъ, что одно уже богослуженіе и частныя требоисправленія способны были освящать и поучать русскій народъ и внѣдрять въ него благочестіе, вслѣдствіе чего Русская Церковь и Русская Земля, не смотря на недостатокъ образованія, имѣютъ цѣлые сонмы отечественныхъ святыхъ и обиліе благодатныхъ знаменій (стр. 82—85). Но мысли этихъ отрывковъ весьма слабо отразились въ извѣстномъ литургическомъ сочиненіи Гоголя

„Размышленія о божественной литургіи“. Послѣднее написано по особымъ, спеціальнымъ источникамъ [1]), изъ числа коихъ въ настоящемъ сборникѣ приводится только отрывокъ изъ твореній Іереміи, патріарха Константинопольскаго, о литургіи. Основная мысль этого отрывка служитъ руководственною мыслію и „Размышленій о божественной литургіи“ Гоголя. Изъ этого отрывка могли быть взяты Гоголемъ мысли о томъ, что выносъ евангелія обозначаетъ явленіе Спасителя первоначально еще не всенародное, а выносъ даровъ—совершенное и окончательное [2]).

Но больше всего встрѣчается въ сборникѣ выписокъ нравоучительнаго характера. Выборъ этихъ выписокъ, по видимому, опредѣлялся личнымъ настроеніемъ и вкусомъ самого Гоголя, прошедшаго уже къ тому времени довольно длинную, оригинальную и трудную школу писательства. Вообще о всѣхъ выпискахъ этого рода можно сказать, что онѣ отличаются или психологическимъ анализомъ разныхъ нравственныхъ состояній человѣка, или же обстоятельнымъ раціональнымъ обоснованіемъ тѣхъ или иныхъ нравственныхъ требованій, или же, наконецъ, рельефностію и какъ бы индивидуальностію выраженія извѣстныхъ нравственныхъ правилъ. Въ нѣкоторыхъ своихъ выпискахъ Н. В. Гоголь, кажется, видѣлъ психическій генесисъ тѣхъ художественныхъ типовъ, какіе онъ творилъ въ лучшую пору своей литературной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи не безынтересна выписка сборника „о тратѣ времени“. „Осыпь человѣка всѣми благами земными,—говорится здѣсь,—исполни всѣ желанія его сердца, онъ и тогда не будетъ счастливъ, потому что будетъ

---

[1]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, изданіе 10, подъ редакціей Н. Тихонравова и В. Шенрока, т. IV, 1889 г., стр. 417 и 589—594. Въ числѣ изданій не упомянуто здѣсь изданіе П. П. Демидова, князя Санъ-Донато, подъ редакціею протоіерея А. Ѳ. Хойнацкаго, С.-Петербургъ, 1882 года.

[2]) Сборникъ, стр. 20. Сн. „Сочиненія Н. В. Гоголя“, изданіе 10, т. IV, стр. 413, 428 и 437.

страшиться потерять ихъ. Эта мысль, какъ горькая желчь, будетъ отравлять всѣ его удовольствія, и въ то самое время, когда онъ думалъ наслаждаться оными, онъ будетъ терзаться неизвѣстностью,—долго-ли продлятся блага сіи, забавы, почести, благопріятство, счастіе и тому подобное. Эта мысль, какъ червь, точитъ его сердце во время самаго наслажденія благами"[1]). Эта страсть любостяжанія, на различныхъ ступеняхъ ея развитія, порождаетъ и такихъ аферистовъ и искателей преступной наживы, какъ Чичиковъ, и скопидомныхъ Коробочекъ, и скупыхъ до скаредности Плюшкиныхъ, такъ рельефно изображенныхъ въ сочиненіяхъ Н. В. Гоголя. Впрочемъ, большая часть выписокъ съ религіозно-нравственнымъ содержаніемъ въ сборникѣ Гоголя говоритъ не столько о недостаткахъ и порокахъ людскихъ, сколько о высокихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, какъ, напр., о вѣрѣ, надеждѣ и любви, о любви къ Богу и ближнему, милостыни, постѣ, самоиспытаніи, смиреніи, сокрушеніи сердца и т. п.

Конечно, всѣ эти выписки изъ твореній отцовъ и учителей православной церкви и изъ русскихъ духовныхъ писателей сами по себѣ имѣютъ высокую цѣнность; но онѣ не представляютъ изъ себя чистаго, безпримѣснаго голоса церкви, чуждаго личныхъ мнѣній отдѣльныхъ писателей, а тѣмъ болѣе не представляютъ собою полной системы православнаго нравоученія, въ которой бы всѣ части и члены ея уравновѣшивались одни другими и не представлялись бы крайними, односторонними, разнорѣчивыми и даже исключающими себя взаимно (напр., смиреніе и самоуваженіе). Духовные академическіе журналы (въ данномъ случаѣ—„Христіанское Чтеніе") даютъ читателямъ только крупицы отъ той духовной трапезы, которою питаются сами, и не могутъ гарантировать своихъ читателей отъ односторонняго пониманія христіан-

---

[1]) Сборникъ, стр. 107 и 108; сн. „Христіан. Чтеніе", 1842 г., ч. I, стр. 150.

скихъ истинъ и въ частности христіанскаго нравоученія. Тѣмъ болѣе возможны односторонности въ христіанскомъ нравственномъ самовоспитаніи отдѣльныхъ людей.

Н. В. Гоголь, познакомившись въ отрывкахъ съ нравоученіемъ отдѣльныхъ представителей православной церкви, въ сущности сталъ только неофитомъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго самосознанія и самоусовершенствованія. Но, не смотря на незрѣлость своего религіозно-нравственнаго воспитанія, онъ все-таки рѣшился выступить въ новой для него роли проповѣдника христіанской нравственности. Къ этому побуждали его и сознаніе высоты долга писателя и глашатая истины, къ числу которыхъ онъ принадлежалъ, и просьба его друзей и почитателей, обращавшихся къ нему съ различными религіозно-нравственными запросами. Н. Гоголь щедро раздавалъ повсюду свои нравоучительные совѣты и наставленія и даже выступалъ съ ними печатно, передъ большою публикою, въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ и особенно въ „Перепискѣ съ друзьями“ и „Авторской исповѣди“ и отчасти даже въ позднѣйшей редакціи 2-го тома его „Мертвыхъ душъ“. Въ этихъ произведеніяхъ нравоучительныя мысли, извлеченныя Гоголемъ изъ твореній отцовъ и учителей православной церкви, терпѣли новыя и довольно значительныя видоизмѣненія отъ преломленія ихъ какъ въ политико-общественныхъ взглядахъ самого Н. В. Гоголя, такъ и въ той общественной средѣ, къ которой онъ старался спеціально примѣнить свои воззрѣнія. По своимъ политико-общественнымъ воззрѣніямъ, Гоголь ближе всего примыкалъ къ лагерю славянофиловъ или, точнѣе,—руссофиловъ того времени и, вмѣстѣ съ ними, считалъ незыблемыми тогдашніе устои русской жизни „Православіе, самодержавіе и народность“. Вся нечистая накипь на поверхности этой жизни, болѣе всего обличаемая самимъ Гоголемъ, могла исчезнуть, по его убѣжденію, безъ всякой ломки соціальныхъ условій русскаго общества, благодаря лишь нравственному перевос-

питанію людей по ученію отцовъ и учителей православной церкви. Но то, что у послѣднихъ имѣло общій характеръ и могло быть примѣняемо ко всѣмъ людямъ, Н. В. Гоголь старался приспособить спеціально къ отдѣльнымъ сословіямъ и классамъ русскаго общества и даже къ отдѣльнымъ лицамъ, напр., къ духовенству, къ помѣщику, къ губернатору, къ важному чиновнику, къ женщинѣ и т. д. Вслѣдствіе этого, христіанское нравоученіе нерѣдко получало въ устахъ Гоголя такую своеобразную окраску, что иногда трудно опредѣлить подлинный, первоначальный источникъ его отдѣльныхъ нравоученій. Представимъ нѣсколько примѣровъ переработки Гоголемъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ отдѣльныхъ пунктовъ христіанскаго нравоученія, первоначально вычитанныхъ и извлеченныхъ имъ изъ твореній отцовъ и учителей церкви.

I.

Основное начало христіанской нравственности составляютъ любовь къ Богу и любовь къ ближнему, тѣсно и неразрывно связанныя между собою. Въ сборникѣ выписокъ у Гоголя есть отрывокъ изъ проповѣди преосвященнаго Михаила Десницкаго „О любви къ ближнему“. „Чистая любовь къ Богу,—говорится въ этомъ отрывкѣ,—должна породить и чистую любовь къ подобнымъ себѣ. Что жъ такое есть чистая любовь къ ближнимъ? Любовь къ Богу есть не что другое, какъ внутренняя сила, побуждающая человѣка благодарить Бога и прославлять Его за всѣ тѣ благодѣянія, которыя оказалъ Онъ ему тунѣ, безъ всякихъ заслугъ его, по единой благодати своей; любовь къ Богу есть не что другое, какъ внутренняя сила, влекущая человѣка къ прилѣпленію и къ соединенію съ Нимъ; любовь къ Богу есть не что другое, какъ сильный огонь, внутри человѣка горящій, пламенемъ Божеской любви возженный, чрезъ ясный свѣтъ вѣры

созерцаемый. И любовь къ ближнимъ также есть не что другое, какъ внутренняя сила, отъ силы любви къ Богу происшедшая и любить ближняго, то есть доброжелательствовать ему и благотворить тунѣ, безъ всякаго одолженія, по единой милости и по благому расположенію сердца, побуждающая; любовь къ ближнимъ есть не что другое, какъ въ сердцѣ горящее пламя, отъ огня любви къ Богу происшедшее и къ всегдашнему соединенію съ Нимъ влекущее, въ ненарушимый миръ и союзъ приводящее", и проч. [1]). О любви къ ближнимъ Задонскій затворникъ Георгій Машуринъ писалъ слѣдующее: „Новая заповѣдь дана намъ, да любимъ другъ друга, такъ же, какъ Господь возлюбилъ насъ! Не ищу, любите ли вы меня, но смотрю себя,—люблю ли я васъ. Люблю, хотя и не вижу. Вотъ просвѣщеніе и радость души моей! Любовь есть свѣтъ. Когда я нахожусь посреди враговъ моихъ съ любовію въ сердцѣ моемъ, тогда мнѣ всѣ друзья, и нѣтъ врага ни единаго, потому что во мнѣ царствуетъ истинная любовь" [2]).

Параллельныя мысли мы находимъ и у Гоголя. Въ письмѣ своемъ къ графу А. П. Толстому онъ пишетъ: „Безъ любви къ Богу никому не спастись, а любви къ Богу у насъ нѣтъ... Безъ воли Бога нельзя и полюбить его. Да и какъ полюбить того, Котораго никто не видалъ? Какими молитвами и усиліями вымолить у Него эту любовь? Трудно полюбить того, кого никто не видалъ. Одинъ Христосъ принесъ и возвѣстилъ намъ тайну, что въ любви къ братьямъ получаемъ любовь къ Богу. Стоитъ только полюбить ихъ такъ, какъ приказалъ Христосъ, и сама собой выйдетъ въ итогѣ любовь къ Богу самому. Идите же въ міръ и пріобрѣтите прежде любовь къ братьямъ" [3]). А пріобрѣсти ее можно

---

[1]) **Сборникъ, стр. 55 и 56.**

[2]) **Тамъ же, стр. 94 и 95.**

[3]) „Сочиненія Н. В. Гоголя", изданіе десятое, т. IV, 1889 г., стр. 94 и 95.

слѣдующимъ образомъ: „христіанину сказано ясно,—говоритъ Гоголь въ „Авторской исповѣди“,—какъ ему быть съ высшими, такъ что, если хотя немного онъ изъ того исполнитъ, всѣ высшіе его полюбятъ. Христіанину сказано ясно, какъ ему быть съ тѣми, которые его пониже, такъ что, если хотя отчасти онъ это исполнитъ, всѣ низшіе ему предадутся всею душей своей. Всю эту всемірность человѣколюбиваго закона Христова, все это отношенье человѣка къ человѣчеству можетъ изъ насъ перенести всякъ на свое небольшое поприще. Стоитъ только всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми происходятъ у тебя частыя, наищекотливѣйшія непріятности, обратить именно въ тѣхъ самыхъ ближнихъ и братьевъ, которыхъ повелѣваетъ больше всего прощать и любить Христосъ. Стоитъ только не смотрѣть на то, какъ тебя любятъ другіе, а смотрѣть только на то, любишь ли самъ ихъ. Стоитъ только, не оскорбляя никого, быть готову подавать первому руку на примиренье. Стоитъ поступать такъ въ продолженіе небольшого времени, и увидишь, что и тебѣ легче съ другими, и другимъ легче съ тобою, и въ силахъ будешь точно произвести много полезныхъ дѣлъ почти на незамѣтномъ мѣстѣ“[1]).

Все это—пока общія начала христіанской любви и общіе способы ея выполненія и проявленія, согласные съ ученіемъ православной церкви или не противорѣчащіе ему. Въ другихъ мѣстахъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій Гоголь специфируетъ эту христіанскую любовь въ различныхъ отношеніяхъ людей къ верховной власти, къ правящимъ и судящимъ классамъ, къ помѣщикамъ, къ духовенству и къ крѣпостнымъ людямъ, и обратно. Здѣсь воззрѣнія Гоголя теряютъ уже свой чисто христіанскій характеръ и принимаютъ оттѣнокъ политико-общественныхъ воззрѣній самого автора. Не выступая изъ границъ содержанія разсматриваемаго сборника выписокъ Гоголя, укажемъ нѣсколько такихъ пунк-

[1]) Тамъ же, стр. 272 и 273.

товъ его нравственно-общественныхъ наставленій, которые имѣютъ какое-либо основаніе или исходную точку для своего развитія въ этомъ сборникѣ.

Въ нисходящемъ порядкѣ, первое, послѣ Бога, лицо на землѣ есть земной царь. Онъ прежде всего, по взгляду Гоголя, и долженъ быть средоточнымъ пунктомъ осуществленія христіанской любви въ государствѣ. Мы должны любить царя потому, что царь, какъ образъ Божій, есть воплощенная Божья любовь къ намъ,—вотъ основная мысль письма Гоголя къ Жуковскому „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ"! „Поэты наши,—говоритъ здѣсь Гоголь,—прозрѣвали значеніе высшее монарха, слыша, что онъ неминуемо долженъ, наконецъ, сдѣлаться весь одна *любовь*, и такимъ образомъ станетъ видно всѣмъ, почему *Государь есть образъ Божій*, какъ это признаетъ покуда чутьемъ вся земля наша. Значеніе государя въ Европѣ неминуемо приблизится къ тому же выраженію. Все къ тому ведетъ, чтобы вызвать въ государяхъ высшую божескую любовь къ народамъ... Изъ насъ, людей частныхъ, возымѣть такую любовь во всей силѣ никто не возможетъ: она останется въ идеяхъ и въ мысляхъ, а не въ дѣлѣ; могутъ проникнуться ею вполнѣ одни только тѣ, которымъ уже постановлено въ непремѣнный законъ любить всѣхъ, какъ одного человѣка. Все полюбивши въ своемъ государствѣ, до единаго человѣка всякаго сословія и званія, и обративши все, что ни есть въ немъ, какъ бы въ собственное тѣло свое, возболѣвъ духомъ о всѣхъ, скорбя, рыдая, молясь день и ночь о страждущемъ народѣ своемъ, государь пріобрѣтетъ тотъ всемогущій голосъ любви, который одинъ только можетъ быть доступенъ разболѣвшемуся человѣчеству, и котораго соприкосновеніе не жестко будетъ его ранамъ, который одинъ можетъ только *внести примиреніе во всѣ сословія* и обратить въ стройный оркестръ государство. Тамъ только исцѣлится вполнѣ народъ, гдѣ постигнетъ монархъ высшее зна-

ченіе свое—быть образомъ Того на землѣ, Который самъ есть любовь“ [1]).

Мысль эта о боготвореніи Царя земного не оправдывается ни однимъ изъ источниковъ христіанскаго нравоученія, бывшихъ подъ руками у Гоголя, и можетъ быть выведена только путемъ натянутыхъ умозаключеній изъ вышеприведенныхъ выписокъ Гоголевскаго сборника о любви къ Богу и ближнему. Подлинное же основаніе свое она находитъ именно въ современномъ Гоголю апоѳеозѣ русскаго самодержавія, какъ одного изъ основныхъ началъ русской жизни и русскаго государства. Но эта мысль находитъ нѣкоторое смягченіе въ той мимоходомъ высказанной у Гоголя мысли, что главный нервъ безпредѣльной любви государя къ подданнымъ—это примиреніе всѣхъ сословій въ государствѣ и смягченіе строгостей карающаго закона царскою милостію. Въ томъ же письмѣ къ Жуковскому „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“ Гоголь приводитъ слѣдующія слова А. С. Пушкина о значеніи самодержавія въ Россіи: „Зачѣмъ нужно,—говоритъ онъ,—чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самого закона? Затѣмъ, что законъ—дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жестокое и небратское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона не далеко уйдешь; нарушить же, или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха—автоматъ... Государство безъ полномощнаго монарха,—то же, что оркестръ безъ капельмейстра: какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но, если нѣтъ среди нихъ одного такого, который бы движеніемъ палочки всему подавалъ знакъ, никуда не пойдетъ концертъ... При немъ и мастерская скрипка не смѣетъ слишкомъ разгуляться насчетъ другихъ: блюдетъ

[1]) Тамъ же, стр. 46 и 47.

онъ общій строй, всего оживитель, верховодецъ верховнаго согласія!“ [1]).

Если же государь есть образъ Бога на землѣ и олицетвореніе любви Божіей къ людямъ, правды, милости и верховнаго примиренія и согласія; то, по мысли Гоголя, подобными царю должны быть и ближайшіе его помощники и вообще правящіе классы. Они должны быть миротворцами, которые, по евангельскому обѣтованію, нарекутся сынами Божіими.

„О божествѣ миротворцевъ“ есть въ рукописномъ сборникѣ Гоголя значительная выписка изъ твореній св. Григорія Нисскаго, который прежде всего требуетъ отъ миротворца, что бы онъ самъ имѣлъ въ себѣ красоту мира. „Поелику же,—говоритъ онъ,—никто не можетъ даровать другому того, чего самъ не имѣетъ; то Господу угодно, чтобы прежде ты самъ исполнился красотою мира, а потомъ раздавалъ нуждающимся въ ономъ благѣ“. Миротворцемъ въ собственномъ смыслѣ называется тотъ, кто благорасположенностью и миромъ связываетъ между собою тѣхъ, которые соединены одинакою природою, и приводитъ людей къ дружескому единодушію. Не по истинѣ ли онъ творитъ дѣло силы Божіей, уничтожая въ человѣческой природѣ все злое и вмѣстѣ вводя общеніе благъ? Господь потому и называетъ миротворца сыномъ Божіимъ, что доставляющій толикое спокойствіе человѣческому обществу дѣлается подражателемъ истинному Богу. *Блаженни убо миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся.* Кто же это такіе? Это—подражатели Божія человѣколюбія, въ своей жизни выражающіе то, что свойственно Божеской дѣятельности. Податель и Господь благъ всецѣло истребляетъ и совершенно уничтожаетъ все противоестественное и чуждое добру. Подобную же дѣятельность онъ заповѣдуетъ и тебѣ; и ты долженъ погашать ненависть, пре-

[1]) Тамъ же, стр. 43 и 44.

кращать войну, истреблять зависть, уничтожать ссоры, изгонять лицемѣріе, угашать тлѣющее въ сердцѣ памятозлобіе и—вмѣсто его—вводить все, что, за удаленіемъ тѣхъ золъ, является какъ противоположное. Ибо, какъ по разсѣяніи мрака появляется свѣтъ, такъ вмѣсто каждаго изъ сихъ золъ приходитъ плодъ духовный,—любовь, радость, миръ, благость, великодушіе,—словомъ, все собраніе благъ, исчисленныхъ апостоломъ". Въ несобственномъ смыслѣ миротворцемъ называется и „тотъ, кто,—по словамъ св. Григорія Нисскаго,—примиряетъ и уничтожаетъ въ себѣ самомъ вражду естества, брань между плотію и духомъ, такъ что уже не силенъ бываетъ законъ плоти, противовоюющій закону ума, но, подчиненный высшему царствію, становится рабомъ Божескихъ повелѣній" [1]).

И у Гоголя мысль о христіанскомъ миротвореніи является одною изъ наиболѣе излюбленныхъ темъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій, но съ тѣмъ видоизмѣненіемъ, что совѣты о миротвореніи адресуются имъ преимущественно къ сановникамъ и вообще къ правящимъ или высшимъ классамъ русскаго общества. Въ письмѣ къ графу А. П. Толстому, совѣтуя ему „проѣздиться по Россіи" и узнать ее непосредственно, чтобы потомъ опредѣлить для себя родъ государственной службы, Гоголь указываетъ ему при этомъ на широкое поприще для высокаго подвига миротворца... Спаситель оцѣнилъ его (этотъ подвигъ) едва ли не выше всѣхъ другихъ,—говоритъ Гоголь. Онъ прямо называетъ миротворцевъ сынами Божіими. А миротворцу у насъ поприще повсюду. Все перессорилось: дворяне у насъ между собою—какъ кошки съ собаками; купцы между собою—какъ кошки съ собаками; мѣщане между собою—какъ кошки съ собаками; крестьяне, если только не устремлены побуждающею силою на друже-

---

[1]) Сборникъ, стр. 148—150; см „Христіан Чтен", 1842 г., ч. 2, стр. 168, 176—178.

скую работу, между собою—какъ кошки съ собаками; даже честные и добрые люди—между собою въ разладѣ; только между плутами видится что-то похожее на дружбу и соединеніе, въ то время, когда кого-нибудь изъ нихъ сильно станутъ преслѣдовать. Вездѣ поприще примирителю. Не бойтесь, примирять не трудно. Людямъ трудно самимъ умириться между собою; но какъ только станетъ между ними третій,—онъ ихъ вдругъ примиритъ. Оттого-то у насъ всегда имѣлъ такую силу третейскій судъ, истое произведеніе земли нашей, успѣвшій доселѣ болѣе всѣхъ другихъ судовъ“ [1]). „Во всю исторію нашу,—говоритъ Гоголь въ другомъ мѣстѣ,—прошла эта потребность третейской власти старцевъ, потребность суда посторонняго человѣка. Великій князь или, просто, умный князь уже требуется, какъ примиритель другихъ князей. Духовенство является какъ примиритель между князей или даже между народомъ, и самъ государь судится народомъ не иначе, какъ верховный примиритель между собою“ [2]). Какимъ образомъ примирять враждующихъ между собою, объ этомъ Гоголь пишетъ въ письмѣ къ помѣщику М. о сельскомъ судѣ и расправѣ. „Судите,—говоритъ онъ здѣсь,—всякаго человѣка двойнымъ судомъ и всякому дѣлу давайте двойную расправу. Одинъ судъ долженъ быть человѣческій. На немъ оправдайте праваго и осудите виноватаго... Другой же судъ сдѣлайте Божескій. И на немъ осудите и праваго и виноватаго. Выведите ясно первому, какъ онъ самъ былъ тому виною, что другой его обидѣлъ, а второму—какъ онъ вдвойнѣ виноватъ и предъ Богомъ, и предъ людьми; одного укорите, зачѣмъ не простилъ своему брату, какъ повелѣлъ Христосъ, а другого попрекните, зачѣмъ онъ обидѣлъ самого Христа въ своемъ братѣ; а обоимъ вмѣстѣ дайте выговоръ, за то, что не примирились сами собою и пришли на судъ,

---

[1]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, изданіе десятое, т. IV, 1889 г., стр. 100.

[2]) Тамъ же, т. VI, 1896 г., стр. 428: „о сословіяхъ въ государствѣ“.

и возьмите слово съ обоихъ исповѣдаться непремѣнно попу на исповѣди во всемъ". Свои мысли о судѣ и расправѣ Гоголь, вслѣдъ за тѣмъ, примѣняетъ и къ высшимъ, образованнымъ классамъ Россіи. „Мы только, люди высшіе...,—говоритъ онъ,—споримъ изъ-за того, кто правъ, кто виноватъ; а если разобрать каждое изъ дѣлъ нашихъ,—придешь къ тому же знаменателю, то есть—оба виноваты" [1]).

Независимо отъ теоретическихъ наставленій своихъ, Гоголь пытался воспроизвести художественные типы миротворцевъ и въ своей поэмѣ „Мертвыя души". Во второй части этой поэмы такими миротворцами выведены откупщикъ Муразовъ и генералъ-губернаторъ. Первый изъ нихъ совѣтуетъ разлѣнившемуся дворянину Хлобуеву проѣздиться по Россіи и хорошо ознакомиться съ нею, какъ это совѣтовалъ Гоголь гр. А. П. Толстому, и притомъ почти съ тою же цѣлію [2]), а попавшаго въ бѣду Чичикова старается примирить съ правосудіемъ и съ его собственною совѣстію [3]). Что же касается генералъ-губернатора, то онъ въ прощальной своей рѣчи къ подчиненнымъ ему чиновникамъ прямо умоляетъ ихъ „прекращать всѣ тяжбы между собою миромъ, не вмѣшивать правительства и не давать пищи ябедѣ, размноженію дѣлъ и вмѣстѣ съ ними новыхъ должностей и новыхъ чиновниковъ, которые, бѣдные, противъ воли должны быть чужеядными растеніями. Лучше прибѣгать, по старому русскому обычаю, къ простому третейскому суду и, выбравши изъ себя людей, извѣстныхъ честностью и справедливостью, предоставить на ихъ судъ, какъ они рѣшатъ теперь" [4]).

Къ числу миротворцевъ отнесены Гоголемъ, какъ мы видѣли, и помѣщики, дающіе своимъ крестьянамъ правый

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 140 и 141.

[2]) Тамъ же, стр. 384 и 385.

[3]) Тамъ же, стр. 390—396.

[4]) Тамъ же. т. VII, 1896 г., стр. 448.

судъ и расправу. Но русскіе помѣщики того времени были вмѣстѣ съ тѣмъ и владѣльцами закрѣпленныхъ за ними крестьянскихъ душъ. Какъ же смотрѣлъ Гоголь на эти крѣпостническія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Несомнѣнно, онъ считалъ эти отношенія вполнѣ нормальными, основанными на словѣ Божіемъ, и рекомендовалъ только помѣщикамъ смягчать эти отношенія христіанскою любовію къ своимъ крестьянамъ и правымъ судомъ надъ ними. „Возьмись за дѣло помѣщика,—пишетъ Гоголь къ одному русскому помѣщику,—какъ слѣдуетъ за него взяться въ настоящемъ и законномъ смыслѣ. Собери прежде всего мужиковъ и объясни имъ, что такое ты, что такое они. Что помѣщикъ ты надъ ними не потому, чтобы тебѣ хотѣлось повелѣвать и быть помѣщикомъ, но потому, что ты уже есть помѣщикъ, что ты родился помѣщикомъ, что взыщетъ съ тебя Богъ, если бы ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно какъ и они также, родясь подъ властію, должны покоряться той самой власти, подъ которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога, и покажи это имъ тутъ же въ Евангеліи, чтобы они всѣ это видѣли до единаго“, и проч. Крестьяне должны быть устремляемы побуждающею силою помѣщика на дружную работу, а помѣщикъ долженъ быть патріархомъ, начинателемъ всего и передовымъ во всѣхъ дѣлахъ. „Поработай усердно только годъ,—пишетъ Гоголь помѣщику,—а тамъ дѣло уже само собою пойдетъ работаться такъ, что не нужно будетъ тебѣ и рукъ прилагать. Разбогатѣешь ты какъ Крезъ, въ противность тѣмъ подслѣповатымъ людямъ, которые думаютъ, будто выгоды помѣщика идутъ врознь съ выгодами мужиковъ. Остепенившись и привыкнувъ къ работѣ, разбогатѣютъ и мужики и лопатами будутъ грести серебро [1]), и проч. Типъ такого идеальнаго

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 118—125; см. т. VI, 1896 г., стр. 452 и 453.

помѣщика, который, распоряжаясь благоразумно, и самъ богатѣетъ, и дѣлаетъ степенными и зажиточными и своихъ крестьянъ, выставленъ у Гоголя въ лицѣ помѣщика Констанжогло во второй части поэмы Гоголя „Мертвыя души", хотя,—къ удивленію, этотъ Констанжогло былъ не природнымъ русскимъ помѣщикомъ, а человѣкомъ почти неизвѣстнаго и во всякомъ случаѣ не русскаго происхожденія [1]), и слѣдовательно не имѣющій, по взгляду самого Гоголя, права быть русскимъ помѣщикомъ.

Главнымъ основаніемъ для религіозно-нравственнаго освященія крѣпостническихъ отношеній у Гоголя является, повидимому, выраженіе св. апостола Павла: „нѣсть бо власть, аще не отъ Бога". Но это апостольское выраженіе показываетъ только, что православная Церковь, созидая внутренняго человѣка, никогда не вторгалась революціонно въ установившіяся политическія и общественныя отношенія своихъ исповѣдниковъ и мирно уживалась со всякими формами ихъ политико-общественнаго строя. Тѣмъ болѣе она не могла регламентировать крѣпостническихъ отношеній въ Россіи съ такою подробностію, съ какою регламентировалъ ихъ Гоголь. Нѣкоторый поводъ къ Гоголевской теоріи русскаго крѣпостничества могла подать проповѣдь Московскаго митрополита Филарета (Дроздова) „О благодѣяніяхъ Божіихъ". Въ отрывкѣ изъ этой проповѣди, помѣщенномъ въ рукописномъ сборникѣ Гоголя, говорится слѣдующее: „При разсмотрѣніи человѣческихъ обществъ, мысль о благодѣющей рукѣ Божіей затѣняется нерѣдко мыслію о свободной волѣ человѣческой. Но Богъ, благодѣтельный Творецъ міра и человѣка, можетъ ли не быть также благодѣтельнымъ Творцемъ общества человѣческаго?! Никто, признающій Бога Творцомъ и Промыслителемъ, не станетъ спорить, что общество пчелъ или муравьевъ есть устроеніе Божіе въ природѣ, потому что ни-

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 338—343, 348—363 и др.

какіе избранные члены улья не составляли для него постановленія общественнаго и никакой философъ—муравей никакой не вымышлялъ басни общественнаго договора. Человѣку, для котораго созданъ міръ, нѣтъ управленія! Кто смотритъ свыше, тотъ слышитъ надъ всѣми дѣйствіями людей высшее Божіе управленіе. Кто смотритъ глубже, тотъ видитъ, что законы общества человѣческаго уже написаны въ сердцѣ человѣка, и что исполненіе ихъ вноситъ блаженство и самого Бога въ общество. Свободная воля дана ему на то, чтобы достигнуть ихъ самому. Ибо и Богъ свободенъ, и человѣка хотѣлъ создать по своему образу свободнымъ“ и проч.[1]).— Нельзя не видѣть, что приведенный отрывокъ изъ проповѣди митрополита Филарета направленъ противъ Жанъ-Жака Руссо, автора „Общественнаго договора“, и имѣетъ въ виду доказать врожденность человѣку чувства свободы и стремленія къ общежитію, вопреки мнѣнію Руссо о случайномъ, произвольномъ происхожденіи человѣческаго общежитія. При этомъ митрополитъ Филаретъ только для нагляднаго выраженія своей мысли употребляетъ сравненіе человѣческаго общежитія съ пчелинымъ ульемъ, въ которомъ всѣ функціи ея членовъ распредѣлены между ними инстинктивнымъ, фатальнымъ образомъ. Н. В. Гоголь могъ ухватиться за эту послѣднюю мысль митрополита Филарета и представить русское общество въ видѣ пчелинаго улья, съ подраздѣленіемъ его обитателей на неподвижныя, прочно установившіяся сословія или касты, и при этомъ выдать свое мудрствованіе за ученіе православной церкви. Но истиннымъ основаніемъ и почвою для этого мудрствованія, по всей вѣроятности, было самомнѣніе русскихъ патріотовъ того времени о непогрѣшимости святой Руси и непреложности устоевъ ея жизни, а въ числѣ ихъ— и крѣпостничества. Да и съ этой послѣдней точки зрѣнія,

---

[1]) Сборникъ выписокъ, стр. 113 и 114; сн. „Христіан. Чтен.“, 1842 г., ч. I, стр. 404, 405.

которую можно назвать политико-экономическою, идеалъ крѣпостническихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами и обоюднаго благоденствія тѣхъ и другихъ, нарисованный Гоголемъ, всегда оставался утопіей, непримѣнимой къ дѣйствительности. Если же впослѣдствіи времени и являлись между русскими помѣщиками такіе филантропы, подобные Костанжогло (каковъ, напр., былъ генералъ Мальцевъ въ Орловской и Курской губерніяхъ), которые устроили въ своихъ имѣніяхъ цѣлый рядъ фабрикъ, заводовъ, благотворительныхъ учрежденій, школъ и т. п., питающихъ и поддерживающихъ себя взаимно, дающихъ заработокъ мѣстному населенію и удовлетворяющихъ его насущныя потребности; то филантропическая дѣятельность такихъ помѣщиковъ развилась и окрѣпла уже на почвѣ свободнаго, а не подневольнаго крестьянскаго труда.

Однимъ изъ важныхъ факторовъ въ возвышеніи благосостоянія помѣщика и крестьянина и въ поднятіи нравственнаго уровня крестьянъ, по проекту Гоголя, было православное сельское духовенство. Съ нѣсколькими лучшими представителями нашего городского и заграничнаго духовенства Гоголь былъ лично знакомъ и питалъ къ нимъ искреннее уваженіе. Но сельское духовенство того времени не всегда стояло на высотѣ своего призванія. Тѣмъ не менѣе Гоголь ко всякому священнику, даже недостойному, старался внушить прихожанамъ уваженіе. Въ своемъ сборникѣ выписокъ Н. В. Гоголь помѣстилъ выдержку изъ Златоустаго „о почитаніи священника, хотя бы и погрѣшающаго“. „Кто чтитъ священника,—говоритъ Златоустъ,—будетъ чтить и Бога. Но кто научился презирать священника, тотъ будетъ хулить и самого Бога. *Иже васъ пріемлетъ*,—сказалъ Спаситель апостоламъ,—*Мене пріемлетъ*, и проч. „Знаешь ли ты, что такое священникъ? Это—ангелъ Божій! онъ не свое говоритъ, и потому, если ты его презираешь, то презираешь не его,

а самого Бога и проч. [1]). Гоголь въ своихъ сочиненіяхъ повторяетъ эту же самую мысль, но съ нѣкоторыми добавленіями. „Нужно, чтобы онъ (священникъ) говорилъ стоящему среди свѣта человѣку съ какого-то возвышеннаго мѣста, чтобы не его присутствіе слышалъ въ это время человѣкъ, но присутствіе самого Бога, внимающаго равно имъ обоимъ, и слышался бы обоюдный страхъ отъ Его незримаго присутствія". Гоголю нравится даже традиціонная одежда православнаго духовенства, отличающая его отъ прихожанъ, такъ какъ она—„по образу и подобію той одежды, которую носилъ нашъ Спаситель. Нужно,—прибавляетъ Гоголь,—чтобы и въ самой одеждѣ своей они носили себѣ вѣчное напоминаніе о томъ, чей образъ они должны представлять намъ" [2]). „Если священникъ дуренъ, то этому почти всегда виноваты сами помѣщики", которые, между тѣмъ, своимъ участливымъ сердечнымъ отношеніемъ къ своимъ приходскимъ священникамъ могли бы сдѣлать послѣднихъ надежными сотрудниками въ дѣлѣ возвышенія народной нравственности [3]).

II.

До сихъ поръ мы говорили о различныхъ сферахъ человѣческой жизнедѣятельности, въ которыхъ проявляется и производитъ оживляющее дѣйствіе христіанская любовь, какъ основное начало христіанской нравственности. Теперь обратимся вглубь человѣка, въ самую лабораторію, къ которой вырабатывается новый человѣкъ, способный оживить духомъ христіанской любви ту или иную среду, въ которой суждено ему жить и проявлять свою дѣятельность. Здѣсь уже идетъ дѣло о внутреннихъ, сокровеннѣйшихъ помышленіяхъ и чув-

[1]) Сборникъ выписокъ, стр. 17; см. „Христ. Чтен.", 1842 г., ч. I, стр. 233—4.

[2]) „Сочиненія Н. В. Гоголя", десятое изданіе, т. IV, 1889 г., стр. 37 и 38.

[3]) Тамъ же, стр. 122—124.

ствахъ человѣка—христіанина, возраждающихъ его, изъ глубины грѣховности, къ новой, духовной жизни: это—помышленіе о своихъ грѣхахъ и о своемъ недостоинствѣ въ сравненіи со святостію и величіемъ Бога; это—собственное самоиспытаніе и самообличеніе во всѣхъ даже малѣйшихъ порочныхъ движеніяхъ души своей; это—молитвенный вопль души къ Богу о дарованіи благодатной помощи немощному человѣку; это, наконецъ,—стремленіе къ самоусовершенствованію, соединенное съ надеждою на милосердіе Божіе къ немощному и грѣшному человѣку.

Въ послѣдніе годы своей жизни Н. В. Гоголь несомнѣнно вступилъ на эту лѣствицу высшихъ духовныхъ добродѣтелей, старался изучать ихъ теоретически и примѣнять ихъ къ своей жизни на практикѣ; но, изучая эти духовныя христіанскія добродѣтели и обучаясь имъ, Гоголь въ это же время сообщалъ о своемъ процессѣ самоусовершенствованія путемъ печати во всеобщее свѣдѣніе, для назиданія другихъ, и такимъ образомъ является въ двойной роли и ученика и учителя христіанской нравственности и впадаетъ иногда во внутреннее противорѣчіе съ самимъ собою... Разсмотримъ тѣ пункты литературной дѣятельности Гоголя въ этомъ направленіи, которые болѣе или менѣе совпадаютъ со сдѣланными имъ же самимъ выписками изъ твореній отцовъ и учителей православной церкви.

На первой, низшей ступени нравственнаго самоусовершенствованія нужно поставить памятованіе о смерти, какъ сторонній, т. е. привходящій совнѣ мотивъ къ сознанію своихъ грѣховъ. Задонскій затворникъ Георгій (Машуринъ) въ одномъ изъ отрывковъ сборника говоритъ о памяти смертной слѣдующее: „Мысль моя углубилась во вниманіе, сердце содрогается, слезы льются, и всего страхъ объемлетъ. Умъ остановился на предметѣ выразительныхъ словъ о смерти дражайшихъ для предосторожности: помни послѣдняя твоя! и силою духа гремитъ во глубинѣ внутренности моей сей

гласъ: о Георгій, помни смертный часъ!... тайна!... изступленіе духа!... измѣненіе плоти!... преселеніе! [1])... Почти тѣми же словами выражается о часѣ смертномъ и Гоголь въ своемъ завѣщаніи: „Соотечественники! страшно!... замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, предъ которыми—пыль все величіе его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой“ [2]). Этотъ вопль ужаса въ устахъ Гоголя былъ, впрочемъ, скорѣе литературною имитаціею, чѣмъ точнымъ выраженіемъ подлиннаго состоянія его души. Когда „завѣщаніе“ Гоголя привело въ глубокое смущеніе его мать и сестеръ, то Гоголь обратился къ нимъ, въ слѣдующемъ 1847 году, съ такимъ упрекомъ: „если бы вы истинно и такъ, какъ слѣдуетъ, были наставлены въ христіанствѣ, то вы бы всѣ до единой знали, что память смертная—это первая вещь, которую человѣкъ долженъ ежеминутно носить въ мысляхъ своихъ“ [3]).

Но страхъ смерти самъ по себѣ не даетъ еще понятія ни о количествѣ, ни о качествѣ нашихъ грѣховъ, а только какъ бы собираетъ ихъ въ одну сорную кучу, въ которой нужно еще оріентироваться и разобраться. А это дѣло составляетъ уже предметъ болѣе внутренняго и сознательнаго психическаго акта, именно самоиспытанія, сопровождающагося болѣе или менѣе отчетливымъ сознаніемъ своихъ собственныхъ недостатковъ.

Можно вполнѣ вѣрить Гоголю, когда онъ утверждаетъ, что самоиспытаніе всегда было присуще его духовной натурѣ. Но это самоиспытаніе, этотъ безжалостный анатомическій анализъ своей внутренней духовной жизни могъ бы окон-

---

[1]) Сборникъ выписокъ, стр. 93 и 94.

[2]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, т. IV, 1889 г., стр. 8.

[3]) См. „Труды Кіевской дух. Академіи“, февраль, 1902 г., стр. 228.

читься у Гоголя, по его собственному сознанію, самоубійствомъ, если бы онъ не нашелъ облегченія себѣ въ твореніяхъ отцовъ и учителей православной церкви. Въ Гоголевскомъ же сборникѣ выписокъ изъ этихъ твореній мы находимъ слѣдующую трактацію о самоиспытаніи: „Господь по милосердію своему уступаетъ намъ самимъ право свое суда надъ нами: воспользуемся же Его милосердіемъ и, доколѣ не наступилъ часъ суда страшнаго, произведемъ надъ собою испытаніе строгое, полное и плодотворное. Въ дѣлахъ человѣческихъ судья строгій, поставляя преступника предъ зерцало правосудія, съ полнымъ вниманіемъ входитъ во всѣ дѣла его. Не довольствуясь однимъ признаніемъ въ преступленіи, онъ силою законовъ вынуждаетъ преступника изложить всѣ подробности, всѣ обстоятельства его преступленія и обыкновенно допрашиваетъ и о мѣстѣ, и о времени, и о побужденіяхъ, и о соучастникахъ, и о средствахъ, кратко— о всѣхъ обстоятельствахъ, которыя даютъ большой вѣсъ преступленію и преступника дѣлаютъ преступнѣйшимъ. Поставимъ и мы свою душу предъ зерцаломъ совѣсти, и съ тѣмъ же вниманіемъ и тою же точностію будемъ входить во всѣ обстоятельства преступныхъ дѣлъ ея... Изслѣдуй,— говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—грѣхи души твоей, потребуй отъ ней со всею строгостью подробнаго отчета и скажи ей, зачѣмъ ты отваживалась дѣлать то и то? А если она будетъ уклоняться и разбирать дѣла другихъ, скажи ей: не за чужіе грѣхи я сужу тебя, не за нихъ должна отвѣчать ты. Что тебѣ до того, что такой-то худъ? Ты зачѣмъ согрѣшила въ томъ-то и томъ-то? Отвѣчай, не показывай на другихъ: смотри на свои дѣла, а не на чужія! Потомъ, когда уже нечего ей будетъ сказать, и она начнетъ укрываться отъ суда, уязвляй ее, поражай ее, какъ рабу кичливую и любодѣйную!“ [1]). Подобныя мысли Н. В. Гоголь нерѣдко разви-

[1]) Сборникъ выписокъ, стр. 131—132 и 134—135; см. „Христіан. Чтен.“, 1842 г., ч. I, стр. 422 и 425.

валъ въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Въ письмѣ къ С. П. Шевыреву, 1846 года, Гоголь даетъ такой совѣтъ: „Всякой совѣтъ и наставленіе, какое бы ни случилось кому дать, хотя бы даже человѣку, стоящему на самой низкой степени образованія, съ которымъ у тебя ничего не можетъ быть общаго, обрати въ то же время къ самому себѣ, и то же самое, что посовѣтовалъ другому, посовѣтуй себѣ самому; тотъ же самый упрекъ, который сдѣлалъ другому, сдѣлай тутъ же себѣ самому. Повѣрь, все придется къ тебѣ самому, и даже не знаю, есть ли такой упрекъ, которымъ бы нельзя было упрекнуть себя самаго, если только пристально поглядишь на себя. Дѣйствуй оружіемъ обоюдуострымъ. Если даже тебѣ случится разсердиться на кого бы то ни было, разсердись въ то же время и на себя самого, хотя за то, что съумѣлъ разсердиться на другого. И это дѣлай непремѣнно! ни въ какомъ случаѣ не своди глазъ съ самого себя. Имѣй всегда въ предметѣ себя прежде всѣхъ. Будь эгоистъ въ этомъ случаѣ. Эгоизмъ то же недурное свойство: вольно было людямъ дать ему такое скверное толкованіе, а въ основаніе эгоизма легла сущая правда. Позаботься прежде о себѣ, а потомъ о другихъ: стань прежде самъ почище душой, а потомъ уже старайся, чтобы другіе были чище“ [1]).

О своемъ личномъ самоиспытаніи и самоусовершенствованіи Гоголь писалъ въ томъ же 1846 году слѣдующее: „Во мнѣ не было какого-нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было такъ же никакой картинной добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какую-нибудь картинную наружность: но за то, вмѣсто того, во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой по-

[1]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, т. IV, 1889 г., стр. 75 и 76.

немногу, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ"... Но „я не любилъ никогда моихъ дурныхъ качествъ, и если бы небесная любовь Божія не распорядила такъ, чтобы они открылись передо мною постепенно и понемногу, намѣсто того, чтобы открылись вдругъ и разомъ передъ моими глазами, въ то время, какъ я не имѣлъ еще никакого понятія о всей неизмѣримости Его безконечнаго милосердія, я бы повѣсился. По мѣрѣ того, какъ они стали открываться, чуднымъ высшимъ внушеніемъ усиливалось во мнѣ желаніе избавляться отъ нихъ; необыкновеннымъ душевнымъ событіемъ я былъ наведенъ на то, чтобы передавать ихъ моимъ героямъ... Съ этихъ поръ я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало... Не думай, однако же, послѣ этой исповѣди,—говоритъ далѣе Гоголь, чтобъ я самъ былъ такой же уродъ, каковы мои герои. Нѣтъ, я не похожъ на нихъ. Я люблю добро, я ищу его и сграю имъ; но я не люблю моихъ мерзостей и не держу ихъ руку, какъ мои герои; я не люблю тѣхъ низостей моихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я воюю съ ними и буду воевать, и изгоню ихъ, и мнѣ въ этомъ поможетъ Богъ... Я отъ многихъ своихъ гадостей уже избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться. Я оторвался уже отъ многаго тѣмъ, что, лишивши картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которою выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ той гадостію, которая всѣмъ видна, и, когда повѣряю себя на исповѣди передъ Тѣмъ, Кто повелѣлъ мнѣ быть въ мірѣ и освобождать-

ся отъ многихъ недостатковъ, вижу много въ себѣ пороковъ, но они уже не тѣ, которые были въ прошломъ году: святая сила помогла мнѣ отъ тѣхъ оторваться. А тебѣ совѣтую не пропустить мимо ушей этихъ словъ, но, по прочтеніи моего письма, остаться одному на нѣсколько минутъ и, отъ всего отдѣлясь, взглянуть хорошенько на самого себя, перебравши передъ собою всю свою жизнь, чтобы провѣрить на дѣлѣ истину словъ моихъ“ [1]).

Нравственное самоиспытаніе и сознаніе своихъ недостатковъ естественнымъ образомъ ведетъ къ самоуничиженію, тяжесть котораго смягчается, однако же, мыслію о Богѣ и надеждою на его милосердіе. Сознавъ свои недостатки, человѣкъ, по выраженію Гоголя, и увидитъ свою презрѣнность, подлое ничтожество свое, и вспомнитъ невольно о Богѣ, возносящемъ и выводящемъ все изъ глубины ничтожества“ [2]). Это-то сознаніе своего ничтожества предъ величіемъ Божіимъ составляетъ высшую христіанскую добродѣтель смиренія.

Въ числѣ выписокъ изъ твореній отцевъ и учителей церкви Гоголь приводитъ слѣдующія слова Костромскаго преосвященнаго Владиміра Алявдина о христіанскомъ смиреніи: „Истинная наша слава состоитъ въ томъ, чтобы не искать никакой славы, чтобы не почитать, а презирать себя, чтобы не возвышаться, а смиряться; чтобы никогда и ни въ чемъ не смотрѣть на самого себя, какъ на центръ, къ которому должно относиться все и къ которому должна стекаться вся вселенная. Она состоитъ въ томъ, чтобы потерять совсѣмъ себя изъ виду своего и зрѣть отверстыми очами на единаго токмо Бога. А посему тогда становимся мы истинно славны, когда мы на себя смотримъ такъ, какъ на нѣчто постороннее, или—такъ сказать—несуществующее; когда мірская честь и слава, разумъ, наука—все какъ бы для насъ не

---

[1]) Тамъ же, стр. 87, 88 и 91.

[2]) Тамъ же, стр. 93.

существуетъ; когда мы видимъ одного Бога во вселенной, въ каждой твари, въ каждомъ происшествіи, а паче во глубинѣ своего сердца, что Онъ есть Сый и вседѣйствующій: тогда мы становимся истинно славны. Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ наша слава—въ существованіи сея истины, что Богъ есть все, а мы—ничто“ [1]). И Н. В. Гоголь, повидимому, хорошо усвоилъ себѣ церковное ученіе о христіанскомъ смиреніи. По крайней мѣрѣ, въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ и особенно въ перепискѣ съ друзьями, онъ весьма часто сводитъ свою рѣчь на смиреніе. Предпринимая путешествіе въ Св. Землю, Гоголь публично, при посредствѣ печатнаго слова, просилъ у своихъ отечественниковъ прощенія въ своихъ прегрѣшеніяхъ, во всѣхъ личныхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ имъ кому-либо въ теченіе его жизни, и въ недостаткахъ издаваемой книги, иногда уже черезчуръ сгущая краски при описаніи своихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ недостатковъ. „Наконецъ,—пишетъ онъ,—прошу прощенія у моихъ читателей, если и въ этой самой книгѣ встрѣтится что-нибудь непріятное и кого-нибудь изъ нихъ оскорбляющее. Прошу ихъ не питать противъ меня гнѣва сокровеннаго, но вмѣсто того выставить благородно всѣ недостатки, какіе могутъ быть найдены ими въ этой книгѣ,—какъ недостатки писателя и недостатки человѣка: мое неразуміе, недомысліе, самонадѣянность, пустую увѣренность въ себѣ, словомъ все, что̀ бываетъ у всѣхъ людей, хотя они того и не видятъ, и что̀, вѣроятно, еще въ большей мѣрѣ находится во мнѣ“ [2]).

Въ свое время эти и подобныя изліянія смиренія у Н. В. Гоголя произвели на большинство читателей его тяжелое впечатлѣніе, усиливаемое тѣмъ обстоятельствомъ, что рядомъ со смиреніемъ вездѣ проглядываетъ у Гоголя наставительный тонъ человѣка, стоящаго неизмѣримо выше всѣхъ

---

[1]) Сборникъ выписокъ, стр. 58 и 59.

[2]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, т. IV, 1889 г., стр. 4 и 5.

своихъ читателей. Словомъ, читатели нашли у Гоголя „смиреніе паче гордости“ или духовную гордость.

Мы, съ своей стороны, не рѣшаемся обвинять Н. В. Гоголя въ духовной гордости, такъ какъ сознаніе своихъ собственныхъ, личныхъ недостатковъ, съ одной стороны, и стремленіе поучать другихъ людей, съ другой стороны, не исключаютъ себя взаимно и совмѣщаются въ понятіи о христіанскомъ смиреніи. Послѣднее предполагаетъ собою соотношеніе двухъ членовъ: ничтожества человѣка и величія Божія, проявляющагося и въ самыхъ немощахъ человѣческихъ. И если Н. В. Гоголь смиренно сознавалъ свои недостатки, то это нисколько не препятствовало ему быть орудіемъ Божіимъ для наученія другихъ людей. „Въ послѣднее время,—писалъ Гоголь въ 1846 году,—мнѣ случалось даже получать письма отъ людей, мнѣ почти вовсе незнакомыхъ, и давать на нихъ отвѣты такіе, какихъ бы я не съумѣлъ дать прежде. А между тѣмъ я ничуть не умнѣе никого... Великъ Богъ, насъ умудряющій! и чѣмъ же умудряющій?—тѣмъ самымъ горемъ, котораго мы бѣжимъ и хотимъ скрыться. Страданіями и горемъ опредѣлено намъ добывать крупицы мудрости, непріобрѣтаемой въ книгахъ. Но кто уже пріобрѣлъ одну изъ этихъ крупицъ, тотъ уже не имѣетъ права скрывать ее въ себѣ отъ другихъ. Она—не твое, но Божіе достояніе. Богъ ее выработалъ въ тебѣ: всѣ же дары Божіи даются намъ затѣмъ, чтобы мы служили ими собратіямъ нашимъ: Онъ повелѣлъ, чтобъ ежеминутно учили мы другъ друга“[1]). Въ данномъ случаѣ можно сомнѣваться только относительно того, правильно ли Гоголь понималъ тогда свое призваніе народнаго нравственнаго учителя, умудряемаго будто бы самимъ Богомъ. Впослѣдствіи времени Гоголь о своей „Перепискѣ съ друзьями“ писалъ В. А. Жуковскому слѣдующее: „Не смотря на пристрастье сужденій объ этой книгѣ и разно-

[1]) Тамъ же стр. 75.

мыслiе ихъ, въ итогѣ послышался общiй голосъ, указавшiй мнѣ мѣсто мое и границы, которыя я, какъ писатель, не долженъ переступать. Въ самомъ дѣлѣ, не мое дѣло поучать проповѣдью“[1]). Слѣдовательно, если въ жизни Гоголя и была полоса нѣкотораго нравственнаго самообольщенiя, то она не служила проявленiемъ духовной гордости, закоренѣлой въ своемъ упорствѣ и неспособной къ исправленiю, а была только результатомъ его малоопытности въ духовной жизни.

Вообще Н. В. Гоголь сталъ серьезно заниматься религiозно-нравственными вопросами довольно поздно. Не получивъ правильнаго богословскаго образованiя, онъ старался восполнить его чтенiемъ религiозно-нравственныхъ сочиненiй и самообразованiемъ. Конечно, какъ и всякiй начетчикъ, Н. В. Гоголь могъ неправильно или своеобразно понимать отдѣльныя христiанскiя истины и односторонне примѣнять ихъ къ жизни, на что́ мы, въ отдѣльныхъ случаяхъ, и указывали выше. Но, къ чести Гоголя, нужно сказать, что онъ, будучи неофитомъ въ духовномъ просвѣщенiи и въ духовной жизни, не поступилъ такъ, какъ поступали впослѣдствiи нѣкоторые изъ свѣтскихъ русскихъ писателей и даже не писателей, которые, схвативъ только верхушки христiанскаго образованiя, и притомъ подъ угломъ своей односторонней точки зрѣнiя, пытались выдѣлиться въ какую-то особую общину и даже секту въ нѣдрахъ православной церкви или даже вовсе отдѣлиться отъ нея. Напротивъ, Н. В. Гоголь, не смотря на односторонность и исключительность нѣкоторыхъ религiозно-нравственныхъ воззрѣнiй своихъ, всегда старался быть и дѣйствительно остался вѣрнымъ сыномъ чадолюбивой матери—церкви православной, снисходительно относящейся къ немощамъ своихъ дѣтей. Мало того: Гоголь, какъ учи-

---

[1]) Тамъ же, стр. 282.

тель христіанской нравственности, ведя обширную переписку о религіозно-нравственныхъ вопросахъ съ различными свѣтскими людьми, умѣлъ говорить съ ними ихъ собственнымъ языкомъ и въ духѣ соціальныхъ условій ихъ жизни и тѣмъ сохранилъ многихъ изъ нихъ для православной вѣры и церкви, чего едва ли могло достигнуть тогдашнее русское духовенство, болѣе или менѣе отрѣшенное отъ свѣтскаго общества и самозамкнутое.

Во всякомъ случаѣ, мы, хотя и не считаемъ нравоучительныя сочиненія Гоголя прямою задачею и нормальнымъ типомъ сего писательства, но признаемъ и за ними извѣстное значеніе и никоимъ образомъ не можемъ поставить ихъ въ вину или въ упрекъ Гоголю. Всему свое время. Прямымъ призваніемъ Гоголя была художественно-литературная дѣятельность. „Не мое дѣло поучать проповѣдью“,—писалъ Гоголь Жуковскому. „Искусство и безъ того уже поученье. Мое дѣло говорить живыми образами, а не разсужденьями. Я долженъ выставить жизнь лицомъ, а не трактовать о жизни. Истина очевидная“ [1]). Въ частности, направленіе Гоголя, какъ художника слова, было сатирическое и юмористическое. Это направленіе впервые понялъ и опредѣлилъ А. С. Пушкинъ. „Онъ мнѣ говорилъ всегда,—пишетъ о Пушкинѣ Гоголь,—что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей“ [2]). Этимъ-то сатирическимъ и юмористическимъ талантомъ Гоголь и пріобрѣлъ себѣ безсмертіе въ русской литературѣ. Но, подъ вліяніемъ различныхъ тяже-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 87.

лыхъ обстоятельствъ жизни, особенно же подъ давленіемъ разнорѣчивыхъ требованій русской публики, то возмущавшейся отрицательными типами въ произведеніяхъ Гоголя, то требовавшей отъ юмориста-Гоголя свѣтлыхъ, положительныхъ типовъ, дѣятельность его въ прежнемъ направленіи съ теченіемъ времени ослабѣла и почти совершенно изсякла. „Нѣсколько разъ, упрекаемый въ недѣятельности,—говоритъ о себѣ Гоголь въ своей „Авторской исповѣди“,—я принимался за перо, хотѣлъ насильно заставить себя написать хоть что-нибудь въ родѣ небольшой повѣсти, или какого-нибудь литературнаго сочиненія, и не могъ произвести ничего. Усилія мои оканчивались почти всегда болѣзнію, страданіями и наконецъ такими припадками, вслѣдствіе которыхъ нужно было надолго отложить всякое занятіе. Что́ мнѣ было дѣлать? Виноватъ я развѣ былъ въ томъ, что не въ силахъ былъ повторять то же, что́ говорилъ или писалъ въ мои юношескіе годы? Какъ будто двѣ весны бываютъ въ возрастѣ человѣческомъ! И если всякъ человѣкъ подверженъ этимъ необходимымъ перемѣнамъ при переходѣ изъ возраста въ возрастъ, почему же одинъ писатель долженъ быть исключеньемъ? Развѣ писатель также не человѣкъ?“ [1]) И вотъ, въ періодъ своего творческаго переутомленія Гоголь все болѣе и болѣе погружается въ сферу религіозно-нравственныхъ интересовъ и въ нихъ почерпаетъ отдохновеніе и успокоеніе для усталой и разбитой житейскими дрязгами души своей.

По мѣрѣ своихъ изнемогающихъ силъ, Гоголь зоветъ въ благоутишную пристань православной вѣры и церкви и многихъ другихъ лицъ изъ современнаго ему русскаго свѣтскаго общества и спасаетъ ихъ отъ сектантства и уклоненія отъ православной церкви. Но дѣятельность его въ этомъ направленіи опять вызвала цѣлую бурю новыхъ упрековъ и новыхъ огорченій, которые дѣлаютъ Гоголя, въ послѣдніе

[1]) Тамъ же, стр. 255.

годы его жизни, лицомъ трагическимъ, истиннымъ страдальцемъ какъ за свои художественныя стремленія, такъ и за религіозно-нравственныя свои убѣжденія.

Да будутъ же блаженный покой и вѣчная память вѣрному сыну православной русской Церкви и общаго нашего русскаго отечества болярину Николаю Васильевичу Гоголю!

Н. Петровъ.

ОПИСАНІЕ

сборника выписокъ изъ твореній свв. отцовъ и учителей православной церкви, составленнаго Н. В. Гоголемъ.

Сборникъ переписанъ съ автографа Гоголя сестрою его Ольгой Васильевной Головнею in 8^0, на 229 исписанныхъ страницахъ. Укажемъ заглавіе, начало и конецъ каждой выписки, съ посильнымъ опредѣленіемъ источниковъ, изъ коихъ сдѣланы выписки.

Стр. 1—2. „Изложеніе вѣры св. Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго, по данному ему откровенію". Нач.: „Единъ Богъ, Отецъ Слова Живаго"... Конецъ: „неизмѣнна и всегда одна и та же". Издано въ приложеніи къ книгѣ Православное Исповѣданіе вѣры" (Петра Могилы), Москва, 1830 года.

Стр. 2—7. „О церковныхъ преданіяхъ, св. Василія Великаго". Нач.: „Изъ сохраненныхъ въ церкви догматовъ и проповѣданій нѣкоторыя мы имѣемъ отъ письменнаго наставленія, которое имѣетъ не малую важность и не малую силу приноситъ таинствамъ". См. „Книгу правилъ святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ Отецъ", С.-Петербургъ, 1839 г., стр. 391—395.

Стр. 7—10. „Изъ правилъ архіепископа Александрійскаго Св. Петра". Нач.: „Общеніе должно имѣть и съ тѣми, кои какъ бы отъ сна воспрянувъ на подвигъ... Апостолъ глаго-

летъ: не станетъ мнѣ повѣствующу времени". См. ту же „Книгу правилъ", правило 9, стр. 311—313.

Стр. 10—16. „Посланіе св. Аѳанасія Великаго, архіепископа Александрійскаго, къ Аммуну монаху". Нач.: Всѣ творенія Божіи добры и чисты... съ нимъ же Отцу слава и держава со. Св. Духомъ". См. ту же „Книгу правилъ", стр. 329—333.

Стр. 17—20. „О почитаніи священника хотя бы и погрѣшающаго. Іоанна Златоуста". Нач.: „Кто чтитъ священника, будетъ чтить и Бога... Христосъ и нынѣ присутствуетъ, и нынѣ дѣйствуетъ". См. „Святѣйшаго Іереміи, патріарха Константинопольскаго отвѣтъ лютеранамъ о томъ, что въ церкви вмѣстѣ съ добрыми есть и непотребные", въ „Христіанскомъ Чтеніи", 1842 г., часть 1, стр. 233—242.

Стр. 20—22. „О литургіи Іереміи, патріарха Константинопольскаго". Нач.: „Каждое священнодѣйствіе, совершаемое на божественной литургіи, совершается и для настоящаго употребленія... если мы хотимъ содѣлать душу способною къ принятію освященія". См. его же отвѣтъ лютеранамъ „Объ употребленіи таинствъ", въ Христ. Чтен.", 1842 г., ч. 1, стр. 359—362, съ небольшими пропусками.

Стр. 23—26. „О божественной плоти Іисуса Христа и о нашей". Нач.: „Богъ измѣняться не можетъ... эта часть, получившая отъ Бога такія преимущества". См. „Тертулліанъ и его сочиненія, въ Христіан. Чтен", 1842 г., ч. 2, стр. 410, 411 и 413—417, съ пропусками.

Стр. 26—30. Мысли отцовъ церкви (Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина, Іеронима и Іоанна Постника) о истинномъ покаяніи и постѣ". Нач.: „Когда я говорю о постѣ, то разумѣю постъ истинный... то же разумѣй и о всякихъ другихъ поступкахъ и порокахъ".

Стр. 30—33. „О чудесахъ. Изъ Іоанна Златоуста", Нач.: „Почему же,—скажутъ,—не бываетъ нынѣ чудесъ?...

Итакъ, вотъ что причиною того, что нынѣ не бываетъ знаменій". См. „Св. Іоанна Златоустаго слово на Св. Пятдесятницу", въ „Христіан. Чтен.", 1841 г., ч. 2, стр. 201—204.

Стр. 33—36. „О добродѣтеляхъ Христіанскихъ. Св. Прокла, архіепископа Константинопольскаго". Нач:. „Есть много видовъ добродѣтелей, но ихъ различно опредѣляли... не достигшій чрезъ богословіе до того, кто есть раздаятель вѣнцовъ". См. Св. Прокла „Посланіе къ Армянамъ о вѣрѣ", въ Христіан. Чтен." 1841 г., ч. 1, стр. 352—356.

Стр. 36—38. „Примѣръ страданія самаго великаго". Нач:. „Въ какомъ безотрадномъ состояніи находился Христосъ?.. Камни какъ бы отъ жалости распадаются". См. „Слово во св. великій пятокъ", неизвѣстнаго, въ „Христіан. Чтен." 1841 г., ч. 1., стр. 451—454.

Стр. 39. „О Богѣ Сынѣ. Св. Прокла, архіепископа Константинопольскаго". Нач.: „Сдѣлавшись человѣкомъ Онъ подобострастнымъ, спасаетъ сродный себѣ по плоти родъ нашъ... однако и не разлучилось отъ родившаго Его". См. Св. Прокла „Посланіе къ Армянамъ о вѣрѣ", въ „Христіан. Чтен". 1841 г., ч. 1, стр. 360—361.

Стр. 40—41. „О рѣдко бывающихъ въ церкви. Іоанна Златоуста". Нач.: „Всѣ вы нынѣ въ радости, а я—я одинъ въ печали... Какое собранье полезнѣе?". См. „Св. Іоанна Златоустаго слово противъ оставляющихъ церковныя собранія", и проч., въ „Христіан. Чтен"., 1841 г., ч. 1, стр. 33—35.

Стр. 41—48. „О воскресеніи. Изъ Іоанна Дамаскина". Нач.: „Вѣрую также въ воскресеніе мертвыхъ... и въ Немъ наслаждаясь непрестанно". См. „Св. Іоанна Дамаскина изложеніе вѣры, книга IV, глава 27, о воскресеніи", въ Христіан. Чтен." 1841 г., ч. 2, стр. 98—107.

Стр. 48—49. „На благовѣщеніе Богородицы. Св. Анастасія, архіепископа Антіохійскаго". Нач.: „Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою... Сразившись для сего съ смер-

тію и умертвивъ ее какъ слѣдуетъ". См. „Христіан. Чтен". 1841 г., ч. 1, стр. 377, 378 и 386—387.

Стр. 49—51. „Рожденіе Господа Іисуса отъ Дѣвы. Св. Ѳеодота, епископа Анкирскаго". Нач:. „Марія Пророчица чрезъ слухъ зачала Бога живаго... пріяла живаго Бога Слова въ свои дѣвственные и благоуханные чертоги". См. Слово Св. Ѳеодота, „на св. Богородицу и Симеона" въ „Христіан. Чтен." 1841 г., ч. 1, стр. 229, 231, 233, 235 и 236.

Стр. 51—55. „О присутствіи Духа Святаго нынѣ. Іоанна Златоуста". Нач. „Отсутствіе Духа Божія въ людяхъ есть знакъ гнѣва Божія... Если жъ церковь существуетъ, то очевидно Духъ присутствуетъ". См. „Св. Іоанна Златоустаго Слово на св. пятдесятницу" въ „Христіан. Чтен." 1841 г., ч. 2, стр. 197—201.

Стр. 55—58. „О любви къ ближнему. Преосвященнаго Михаила" (Десницкаго). Нач.: „Чистая любовь къ Богу должна породить и чистую любовь къ подобнымъ себѣ... изъ единаго должна проистекать источника, именно изъ единой любви къ Богу" [1]).

Стр. 58—62. „Истинная слава. Преосвящ. Владиміра" (Алявдина). Нач.: „Истинная наша слава состоитъ въ томъ, чтобы не искать никакой славы... сама слава Божія является въ нашемъ ничтожествѣ".

Стр. 62—64. „Марія, какъ прообразовательница верховная смиренія. Его же". Нач.: „Величитъ душа моя Господа... вообразованіе въ насъ Іисуса Христа" [2]).

---

[1]) Нѣтъ въ „Христіан. Чтеніи". См. о Десницкомъ „Обзоръ русской дух. литературы", преосвящ. Филарета Гумилевскаго, 3 изд., С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 426—8.

[2]) Этотъ и предыдущій отрывки заимствованы не изъ „Христіанскаго Чтенія". См. о преосвященномъ Владимірѣ Алявдинѣ и его проповѣдяхъ „Обзоръ русской дух. литературы" преосвященнаго Филарета Гумилевскаго, изд. 3, С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 461—463.

Стр. 67—68. „Воцареніе Іисуса Христа. Св. Ѳеодота, епископа Анкирскаго“. Нач.: „Благочѣстивые справедливо проповѣдуютъ Іисуса царемъ... хотѣли удержать его, какъ надъ слабыми и безсильными“. См. Св. Ѳеодота Анкирскаго „слово на св. Богородицу и на Симеона“, въ „Христіан. Чтен.“ 1841 г., ч. 1, стр. 245 и 246.

Стр. 68—80. „О святыхъ и непорочныхъ таинствахъ Господнихъ. Св. Іоанна Дамаскина“. Нач.: „Благій, всеблагій и преблагій Богъ, будучи весь благость... а тогда духовно чрезъ одно видѣніе“. См. св. Іоанна Дамаскина Изложеніе вѣры, книга IV, глава 13, въ „Христіан. Чтен.“ 1841 г., ч. 1, стр. 252—266.

Стр. 80—82. „Вѣра среди жизни нашей. Преосвященнаго Гедеона (Вишневскаго), епископа Полтавскаго“. Нач.: „Мы назовемъ ту жизнь истинною, гдѣ выражается возвышеніе духа... Тамъ твердость власти, гдѣ она творитъ судъ и милость“. См. „Христіан. Чтен.“, 1841 г., ч. 1, стр. 270—273.

Стр. 82—85. „О русской церкви. Церковь наша Спасителю“ есть обручена, ангелами почтена, пророками украшена, апостолами прославлена, мучениками и исповѣдниками вознесена. Св. Димитрій Ростовскій“. Нач.: „Церковное богослуженіе, полное богословскаго содержанія... тако нынѣ благочестіемъ всѣхъ одолѣ“. См. „О православіи Россійской церкви“, неизвѣстнаго автора, въ „Христіан. Чтен.“, 1843 г., ч. 3, стр. 98—102 [1]).

Стр. 86. „О молитвѣ святыхъ. Аѳанасія Великаго“. Нач.: „Для чего мы должны молиться тѣми же словами, какими молились святые мужи?.. слово ихъ превосходнѣе и сильнѣе рѣчей, нами слагаемыхъ“. Оттуда же, стр. 94.

---

[1]) Слова Св. Димитрія Ростовскаго, составляющія эпилогъ къ сему отрывку, могли быть взяты непосредственно изъ твореній сего святителя

Стр. 86—88. Аѳинагора Аѳинскаго философа". Нач.: „По нашему ученію, Сынъ Божій есть Слово Отца... Азъ Богъ и нѣсть развѣ Мене спасаяй". См. „Апологію Аѳинагора, Аѳинскаго философа", въ „Христіан. Чтен.", 1843 г., ч. 2, стр. 226 и 224—225.

Стр. 88— 91. „Разныя изреченія изъ Іоанна Златоуста". Нач.: „Тлѣнное намъ дано тѣло... Яко уста моя будеши,— говоритъ Господь". Это—извлеченія изъ 6-й бесѣды І. Златоустаго противъ Іудеевъ. См. „Христіан. Чтен.", 1843 г., ч. 2, стр. 420, 429, 403 и 404.

Стр. 91—92. „О непогрѣшимости Церкви". Нач.: „Да не будетъ соблазнительно... какъ пухъ, вздуваемый вѣтромъ".

Стр. 92—93. „О иконоборствѣ". Нач.: „Вообще иконоборцы столь жестоко поступали съ православными... и онъ лежитъ мертвымъ во вѣки вѣковъ".

Стр. 93—97. „Нѣкоторыя мысли Георгія (Машурина), затворника Задонскаго Богородицкаго монастыря" [1]). Нач.: „Мысль моя углубилась во вниманіе, сердце содрогается .. но которою Господь привѣтствуетъ".

Стр. 97—98. „Внутренняя рѣчь ко св. мощамъ Божіихъ угодниковъ, посѣтившихъ мою убогую келлію", его же. Нач.: „Въ слезахъ съ радостнымъ благоговѣніемъ благодаря сердечно Господа славы... направили шествіе свое далѣе".

Стр. 98—102. „О милосердіи. Іереміи, патріарха Константинопольскаго". Нач.: „Милосердіе необходимѣе всѣхъ добродѣтелей... нужно оказывать всякому милосердіе и всегда". См. Патріарха Іереміи „Отвѣтъ лютеранамъ о покаяніи", въ „Христіан. Чтен.", 1842 г., ч. 1, стр. 245—251.

Стр. 102—104. „О молитвѣ. Св. Іакова, епископа Низибійскаго". Нач.: „Тогда только молитва наша угодна Богу,

---

[1]) О затворникѣ Георгіѣ Машуринѣ см. „Обзоръ русской дух. литературы" преосвящ. Филарета Гумилевскаго, изд. 3, С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 440. Гоголь, вѣроятно, пользовался письмами затворника въ рукописныхъ копіяхъ.

когда она свята... дѣятельна она, когда совершаются въ ней силы Божіи". См. „св. Іакова, епископа Низибійскаго, письмо о молитвѣ къ Григорію, просвѣтителю Арменіи", въ „Христіан. Чтен.", 1842 г., ч. 1, стр. 385—391, съ пропусками.

Стр. 104—106. „О молитвѣ". Нач.: „Молитва есть оружіе великое, сокровище неоскудѣвающее... какъ нѣкій лучъ, входитъ Божіе заступленіе". См. І. Златоустаго „О непостижимомъ противъ аномеевъ слово пятое", въ „Христіан. Чтен.", 1842 г., ч. 1, стр. 36—38.

Стр. 107—109. „О тратѣ времени". Нач.: „Непонятно, какъ губить время въ наслажденіяхъ... нельзя возвратить ни одной минуты, потерянной въ сей жизни". См. „Предметы для размышленія въ день новолѣтія", неизвѣстнаго автора, въ „Христіан. Чтен.", 1842 г., ч. 1, стр. 144—146 и 150.

Стр. 109—116. „Благодѣянія Божіи. Филарета, митрополита Московскаго". Нач.: „Человѣкъ живетъ непрерывными благодѣяніями Божіими... какъ дѣятельно благотворитъ намъ Богъ". См. митрополита Филарета „бесѣду о благодарности къ Богу" въ „Христіан. Чтен.", 1842 г., ч. 1, стр. 399—411.

Стр. 116—119. „Объ отлагательствѣ. Гавріила (Городкова), епископа Рязанскаго". Нач.: „Отлагающіе исправленіе свое до другого времени похожи на больного... аще умножите моленіе ваше, не услышу васъ". Изъ слова преосвященнаго Гавріила на новый годъ, въ „Христіан. Чтен.", 1842 г., ч. 1, стр. 111—116.

Стр. 119—121. „О различныхъ дѣйствіяхъ души нашей. Св. Григорія, епископа Нисскаго". Нач.: „Итакъ, по троякому раздѣленію свойственныхъ душѣ движеній на силы ума, вожделѣнія и раздраженія... дѣлается злоупотребляющему оное погибельнымъ".

Стр. 121—125. „О постѣ". Нач.: Постъ, будучи древнѣе самаго христіанства, всегда существовалъ... речетъ: *се пріидохъ*". См. „о постѣ", неизвѣстнаго автора, въ. „Хри-

стіан. Чтен.“, 1842 г., ч. 1, стр. 433, 436—438, 440—441, 443, 445—446, 447—449.

Стр. 125—140. „Приготовленіе къ исповѣди и причащенію“. Нач.: „Нѣтъ сомнѣнія, что пріобщеніе таинству евхаристіи есть одно изъ важнѣйшихъ... да не горше ти будетъ“. См. „слово приготовительное къ исповѣди и причащенію пречистыхъ таинъ Христовыхъ на пятокъ первыя недѣли св. Четыредесятницы“, въ „Христіан. Чтен.“, 1842 г., ч. 1, стр. 415—430.

Стр. 140—142. „Знаменованіе воды въ св. писаніи. Св. Кирилла, архіепископа Александрійскаго“. Нач.: „Богъ, повелѣвши Моисею творить знаменія, присовокупилъ... О немъ же мы живемъ, движемся и есмы“. См. св. Кирилла архіепископа Александрійскаго бесѣду при вступленіи въ св. Четыредесятницу“, въ „Христіан. Чтен.“, 1842 г. ч. 1, стр. 345—347.

Стр. 142—146. „Объ утратахъ. Изъ Златоуста“. Нач.: „Кто видитъ распростертаго и лежащаго во гробѣ единороднаго сына, тотъ долженъ имѣть адамантовое сердце... всякую подобную печаль удобно преодолѣемъ“. См. І. Златоустаго „О благодушномъ перенесеніи скорбей, изъ первой бесѣды на 2 Посл. къ Коринѳ.“, въ „Христіан. Чтен.“, 1842 г., ч. 2, стр. 207—210.

Стр. 146—151. „О божествѣ миротворцевъ. Св. Григорія Нисскаго“. Нач.: „Если зрѣть Бога есть высочайшее благо... которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь“. См. „Слово св. Григорія Нисскаго о блаженствѣ“ въ „Христіан. Чтен.“, 1842 г., ч. 2, стр. 160—161, 163—165, 167—168, 176—178.

Стр. 151—152. „О стыдѣ“. Нач.: „Стыдъ, съ которымъ объявляемъ преступленія свои, есть начало нашего исправленія... въ костѣхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ“. См. „О исповѣди“, неизвѣстнаго автора, въ „Христіан. Чтен.“, 1842 г.; ч. 1, стр. 463—465.

Стр. 152—162. „Посланіе къ князю Антіоху о нѣкоторыхъ мѣстахъ божественнаго писанія. Св. Аѳанасія Александрійскаго“. Нач.: „Вопросъ: Увѣровавши и крестившись въ единосущную Троицу... какъ прощающій получаетъ прощеніе“. Изъ „Христіан. Чтен.“, 1842 г., ч. 2, стр. 212—215, 217, 219, 222, 223—226 и 361—364.

Стр. 162—178. „Пророчества о Христѣ. Его же и оттуда же“. Нач.: „1., Что Христосъ есть Богъ и Господь, о томъ свидѣтельствуютъ пророки... Сынъ человѣческій, которому слава и держава во вѣки вѣковъ“. См. „Христіан. Чтен.“, 1842 г., ч. 3, стр. 44—61.

Стр. 178—186. „О свободномъ произволеніи, св. Іереміи, патріарха Константинопольскаго“. Нач.: „Святый Златоустъ говоритъ: благодать, хотя и есть благодать, но спасаетъ только желающихъ... дабы истинная вѣра обнаруживалась правыми дѣлами“. См. „Святѣйшаго Іереміи патріарха Константинопольскаго отвѣтъ лютеранамъ о свободномъ произволеніи“, въ „Христіан. Чтен.“, 1842 г., ч. 3, стр. 64—71.

Стр. 186—190. „На праздникъ ваій. Св. Кирилла Александрійскаго“. Нач.: „Царево пришествіе празднуя нынѣ, вѣрные, благолѣпно срѣтимъ Царя... наша природа чрезъ него соединилась съ Тобою“. См. Бесѣду св. Кирилла Александрійскаго на святый праздникъ ваій, въ „Христіан. Чтен.“, 1842 г., ч. 2, стр. 3—6, 17, 19—20.

Стр. 190—199. „Изъ Тертулліановой апологіи“. Нач.: „Ненависть язычниковъ къ имени Христіанскому такъ сильна и слѣпа... поглотило, или истребило, оно возвратитъ тебя“. См. „Тертулліанъ и его сочиненія“, въ „Христіан. Чтен.“, 1842 г., ч. 3, стр. 80—84, 86—87, 110—112, 131—132.

Стр. 199—205. „О воскресеніи“. Нач.: „Что́ такое весь міръ земной, на которомъ обитаемъ мы, какъ не нѣкое ужасное необозримое кладбище?... доколѣ не возсіяетъ утро

невечерняго дня Царствія Его". См. слово на день воскресенія Христова неизвѣстнаго автора, въ „Христіан. Чтен.", 1842 г., ч. 2, стр. 231—246, съ пропусками.

Стр. 206—214. „Изреченія изъ Іоанна Златоуста". Нач.: „Богъ попускаетъ истинной и апостольской вѣрѣ своей подвергаться многимъ нападеніямъ и ересямъ... Если могли быть очищены большіе грѣхи, то тѣмъ болѣе меньшіе".

Стр. 214—217. „Богъ есть безтѣлесенъ; слѣдовательно — Духъ Чистѣйшій. Преосвящ. Тихона (Соколова), епископа Воронежскаго" [1]). Нач.: „Богъ нашъ есть безтѣлесный, и потому есть Духъ наичистѣйшій... и тако будемъ Бога нашего духомъ и истиною почитать".

Стр. 217—218. „Его же отвѣтъ на вопросъ: какъ можно безтѣлесному Духу явиться на землѣ". Нач.: „Какъде Богъ невидимый, ни осязаемый и потому Духъ явился на землѣ?... Поклонимся на мѣстѣ, гдѣ стояли нозѣ Его".

Стр. 219—222. „О почитаніи святыхъ. Изъ частнаго письма протоіерея Сабинина" [2]). Письмо, какъ видно изъ его содержанія, адресовано какой-то дамѣ, вѣроятно К. О. Смирновой. Приводимъ отрывокъ изъ этого письма въ полномъ его видѣ.

„*Аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо не любяй брата своего, егоже видѣ, Бога, егоже не видѣ, како можетъ любити* (Іоан. 4, 20). Еще болѣе относится это къ святымъ нашимъ собратіямъ, совершеннѣйшимъ нежели мы, которыхъ наша православная Церковь признаетъ къ тому же нашими

---

[1]) О твореніяхъ св. Тихона Задонскаго см. „Обзоръ русской дух. литературы" преосвящ. Филарета Гумилевскаго, 3 изд., С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 353—355. Эти творенія доставлены были Гоголю А. О. Смирновой.

[2]) Съ 1837 года и до смерти своей въ 1863 году протоіерей Степанъ Карповичъ Сабининъ былъ настоятелемъ при русской Веймарнской миссіи. См о немъ „Обзоръ русской дух. литературы" преосвященнаго Филарета Гумилевскаго, 3 изд., С.-Петербургъ. 1884 г., стр. 495—496

посредниками между Богомъ и нами. Вы скажете: они давно померли; что мнѣ до нихъ за дѣло, за что мнѣ любить ихъ и воздавать имъ почтеніе?—Они померли?! Нѣтъ, они живы! Христіанская религія есть религія жизни и любви! Жизнь и любовь суть ея начало, средина и конецъ. Богъ Авраамовъ, Исааковъ и Іаковль есть Богъ живыхъ, а не мертвыхъ. Онъ живетъ въ своихъ избранныхъ, а жизнь избранныхъ его сокрыта со Христомъ въ Богѣ. Какъ же можно приступать съ молитвой или почтеніемъ къ Богу, не приступивъ и ко святымъ, живущимъ въ Богѣ, или молиться святымъ, не молясь въ то же время Богу, живующему во святыхъ? Или иначе: *Богъ любы есть*,—говоритъ св. Іоаннъ,—*и пребываяй въ любви въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ* (Іоан.). Кто жъ имѣетъ теперь большее право на пребываніе въ Богѣ, если не святые, которыхъ большая часть положили свои души изъ-за любви къ Богу Отцу, Богу Сыну, Богу Духу Святому, которые утучнили своею кровью почву, на которой прозябло, развилось и возросло Христіанство? Такъ Богъ пребываетъ во святыхъ, а они—въ Богѣ; Богъ и святые составляютъ единую неисчислимую единицу, единое неизмѣримое море жизни, единый неисчерпаемый океанъ любви (Іоан. 17, 20 и 21), откуда любовь Божія изливается и въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ, если только мы живемъ свято (Римл. 3, 5). Христіанская любовь, которую проповѣдуетъ намъ православная наша Церковь, объемлетъ собою и время и вѣчность. Она соединяетъ насъ съ Богомъ и со святыми, а Бога и святыхъ—съ нами, если только мы желаемъ сами и ищемъ такого союза. Она есть отличительный признакъ вѣры Христовой. *О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученици есте, аще любовь имате между сообою.* О любви къ Богу въ послѣдователяхъ Христовыхъ я не говорю ни слова: она есть заповѣдь первая и большая всѣхъ другихъ заповѣдей. Какъ же вы теперь, Милостивая Государыня,—отдѣлите ль Богопочтеніе отъ по-

чтенія къ Богоматери и святымъ, или почтеніе къ Богоматери и святымъ отъ самого Бога почтенія, когда Богъ пребываетъ во святыхъ и святые—въ Богѣ? Никакъ нельзя прикоснуться къ Богу,—если могу такъ выразиться,—не прикоснувшись къ святымъ, ни коснуться святыхъ, не коснувшись самого Бога. Итакъ намъ должно воздавать почтеніе не только Пресвятой Дѣвѣ Богоматери, но и святымъ наряду съ Богопочтеніемъ. Мы, кажется, еще мало почитаемъ ихъ, почитая ихъ только какъ угодниковъ Божіихъ и какъ своихъ собратій, совершеннѣйшихъ, чѣмъ мы сами. Судя по отношенію ихъ къ Богу и Бога къ нимъ, показанному мною выше, намъ должно, кажется, еще большее воздавать имъ почтеніе, нежели какое мы воздаемъ имъ".

Стр. 222—226. „Мысли". Нач.: „Вѣрить только, что Богъ есть, еще недостаточно... хочетъ, чтобы восхищали Его собственность". См. статью „Мысли", неизвѣстнаго автора, „Христіан. Чтен.", 1840 г., ч. 3, стр. 426—432.

Стр. 226—229. „Письмо Георгія (Машурина), затворника Задонскаго. „Христосъ воскресъ". Нач.: „Радуйтесь! Христосъ глаголетъ ясно къ понимающимъ Его... Сущая истина—воскресшій Побѣдитель смерти Іисусъ Христосъ"[1]).

[illegible]
[illegible]
АКАДЕМИИ

[1]) О Задонскомъ затворникѣ Георгіѣ Машуринѣ см. выше, къ примѣчаніи къ отрывку, помѣщенному на 93—97 страницахъ Гоголевскаго сборника выписокъ.

Изъ журнала „Труды Кіевск. дух. Академіи", № 6, 1902 г.
Кіевъ, типографія И. И. Горбунова, Крещатикъ, д. Дегтерева, № 38-й.